

Герой Советского Союза, летчик-космонавт Г. С. ТИТОВ

СТАНОВЛЮСЬ КОСМОНАВТОМ

Зима подарила нам новую радость — хоккей. Играли азартно, с мальчишеским задором. В пылу игры не обходилось и без того, чтобы кому-то не досталось нечаянно клюшкой. Словом, синяки были хорошим доказательством нашего пристрастия к хоккею.

Придирчивые, доскональные проверки состояния здоровья отмечали, что мы стали крепче, сильнее, хотя и до этого не жаловались на недуги. Врачи отмечали, что каждый из нас стал легче переносить все более возрастающие перегрузки, что наши сердца стали более тренированными, а значит, и более выносливыми. Это было большим успехом.

Но мы не только зубрили уроки, играли в баскетбол, вертелись на центрифуге, но и выкраивали время посещать театры и кино. Нам нравились пьесы о нашем времени, такие, как «Стряпуха» и «Иркутская история», восхищали фильмы режиссеров Александра Довженко, Григория Александрова, Григория Чухрая, нравились образы современников, созданные Сергеем Бондарчуком. В балете мы увидели новое, подлинное чудо — Елену Рябинкину.

Велика сила искусства. Не раз мы слышали такую фразу: — Солдаты проходят значительно большие расстояния, если их бодрит пришедшая по душе музыка.

Космонавты пристрастились к литературе. Читали в основном советскую классику, одни впервые, другие перечитывали заново книги Максима Горького, Дмитрия Фурманова, Леонида Леонова, Константина Федина, Алексея Толстого. Каждая страница этих правдивых книг обогащала нас, учила жить, прививала любовь к людям, природе, к чарующей музыке великого русского языка.

В нашей короткой жизни не было ни свирепых бурь, ни могучих землетрясений, и мы с интересом стояли у океана человеческих страстей, бушевавшего в любимых книгах. Я обожаю исторические романы и не могу не сказать несколько слов о своем любимом писателе. С юности я увлекался творчеством Михаила Александровича Шолохова — поэта и мыслителя, открывающего волнующее таинство жизни, отобразившего целую эпоху в развитии и жизни советского народа. Ни один современный живописец не пользуется такой богатой палитрой красок, как Михаил Шолохов. Ни один композитор не владеет такой сложной и разнообразной гаммой звуков, как он. Герои его — люди сильных страстей, решительных поступков и действий. Все струны человеческой души трогает писатель своей могучей и заботливой рукой.

Не знаю, как кого, а меня до слез волнует слова Аксиньи: «Милый мой, Гришенька, сколько седых волос-то у тебя в голове... Стареешь, стало быть? Ты же недавно парнем был...»

Можно ли позабыть такую мастерски выписанную картину: «Ярко полыхала заря. Отражая свет

ее, вода казалась розовой, и такими же розовыми казались на неподвижной воде большие величественные птицы, повернувшие гордые головы на восход. Заслышав шорох на берегу, они взлетели с зычным трубным криком, и, когда поднялись выше леса, — в глаза Григорию ударил дивно сияющий, снежный блеск их оперения».

Михаил Шолохов — великий писатель. Из всех писателей, пожалуй, нет ему равного.

Советская действительность полна грандиозных задач, замыслов, свершений. Мы ощущали неудержимый темп жизни, ее лихорадочный пульс, ее напряжение. Мы ложились спать, горько сожалея, что выключились из работы на эти часы.

Трудно сказать, что главное и важнее при подготовке к космическому полету: физическая натренированность или высокий уровень знаний, необходимых космонавту. Во всяком случае, мы считали, что изучение теоретических дисциплин для нас необходимо, как воздух. И больше всего тех, которые непосредственно связаны с конструкцией космического корабля, с его полетом, как, например, аэродинамика, ракетодинамика, астрономия. По этим предметам я внимательно слушал лекции, конспектировал их, как и все другие товарищи, просил преподавателей рекомендовать дополнительную литературу. А вот лекции врачей — терапевтов, психологов и других специалистов космической медицины — сначала у меня не вызвали интереса. Я был глубоко не прав, забыл совет отца, высказанный как-то в письме: «Если хочешь добиться цели, делай и то, что тебе не нравится. На легкую удачу не надейся».

Усилия друзей, воздействие преподавателей, совет отца, о котором я вспомнил, заставили меня изменить свою точку зрения и прийти к выводу, что в программе подготовки космонавта нет ни первостепенных, ни третьестепенных задач. Все одинаково нужно, в том числе и прочное знание основ космической медицины.

Надо сказать, что далеко без особого энтузиазма и я и некоторые мои товарищи приступили к парашютной подготовке. Кое-какой опыт прыжков с парашютом у нас был: каждый по несколько раз прыгал либо в училище, либо в полку. Казалось, большего космонавту и не надо. Наш инструктор Николай Константинович, человек большого опыта, заслуженный мастер спорта, воспитавший плеяду рекордсменов-парашютистов, видя наше нерасположение к прыжкам, сказал:

— Раскусите прелести свободного полета человека в воздухе, будете сами выпрашивать дополнительные прыжки...

Многое рассказал нам Николай Константинович о парашютных прыжках и технике их выполнения, о том, что ныне человек научился управлять свободным падением. Он говорил нам, что руки и ноги парашютистов — это своеобразные аэродинамические рули, уметь только пользоваться ими, что беспорядочного падения для умелого парашютиста теперь нет. Многое, рассказанное нам Николаем Константиновичем, было новым и увлека-

тельным. Вся жизнь посвятивший парашютному, влюбленный в него, он сумел увлечь и нас, внушить, что искусство прыжков требует больших усилий.

При первом же парашютном прыжке довелось выдержать испытание. Покинув самолет, чуть не попал в штопор. Тело стало беспорядочно вращаться. Неприятное состояние! Вспомнил совет инструктора на этот случай. Надо сжаться в клубок, «сгруппировать» тело. Поджимаю ноги, руки, голову. Потом резко раскидываю руки и ноги в стороны. Воздух с большой силой пытается прижать руки к бедрам, сжать ноги, чтобы опять взять власть над моим телом и крутить его, крутить до земли. Для борьбы с ним нужна сила, и она у меня есть. Нагрузка выдержана, тело плавно снижается, можно дергать за вытяжное кольцо парашюта. И вот уже над головой, как цветок, распускается шелковый купол.

Вечером увидел «боевой листок», выпущенный друзьями. Наши сатирики не удержались и нарисовали меня падающим в штопоре, широко раскинувшим ноги и руки, а внизу под рисунком поставили подпись: «Закрутило...».

Вскоре пришлось прыгать в реку, на воду. Николай Константинович и на этот раз зорко подмечал наши успехи и промахи, щедро делился советами.

Так в непрерывных занятиях бежали дни, недели. Мы познавали новое, сдавали зачеты, держали экзамены, проходили различные испытания.

Жизнь такова, что порой сама подвергает тебя испытаниям, вне всяких программ. Такое случилось и в моей семье. Тяжело, очень тяжело заболел маленький сынишка Игорь. Трудно было видеть его в это время и мне и Тамаре. Врачи делали все, что могли, но оказались бессильными. Однажды мне сказали: надежды нет никакой, осторожно подготовьте к этому жену.

Большое человеческое горе постигло нас. Кто переживал подобно, поймет и меня и молодую мать, у которой на руках угас грудной ребенок. Это был очень тяжелый удар судьбы.

Но хорошо, что товарищи в это время были рядом. Не докучая ненужным сочувствием, они умно и тактично делали все для того, чтобы помочь нам, отвлечь от горьких мыслей.

В эти тяжелые для нас с Тамарой дни пришло письмо с Алтая. Мой отец писал Тамаре: «Теперь, дочь, силой обстоятельств развязаны твои руки. Надо или работать или учиться... Труд — прекрасный лекарь ото всех недугов. Учеба или работа — это борьба, а найдется ли человек, который скажет, что он не завидует борцу». Письмо отца подбодрило нас, заставило по-другому посмотреть на нашу дальнейшую жизнь. На своем «семейном совете» с Тамарой мы решили — она пойдет учиться в медицинское училище.

А подготовка к полету продолжалась. Напряженная, деловая строго размеренная. Все новые со-

ветские искусственные спутники Земли и космические ракеты уходили в межзвездные высоты. Чувствовалось, что день, когда в каби-

ну космического корабля сядет человек, недалек. Ведь как ни хороша автоматика, применяемая на искусственных спутниках Земли и космических ракетах, она лишь помощник живого творческого разума. Выполнить она

может только то, что заложено в нее человеком.

Человек создал ракету. Человек создал космический корабль. Человек запустил этот корабль в космическое пространство. Но прежде чем обитаемый космический корабль взлетит, должна быть проведена огромная подготовительная работа. Все мы хорошо помнили ответ, который дал Никита Сергеевич Хрущев на вопрос американского корреспондента о том, когда Советский Союз «забросит» человека на Луну.

— Вы употребили довольно неудачное выражение «забросит человека», — ответил американцу Н. С. Хрущев. — Забрасывать человека мы не собираемся, потому что мы высоко ценим человека... Человека в космос мы пошлем тогда, когда будут созданы необходимые технические условия.

Мы, космонавты, были очень тронуты словами Никиты Сергеевича. Мы повседневно ощущали отеческую заботу Центрального Комитета партии и лично товарища Н. С. Хрущева. Мы знали, что он постоянно интересуется ходом подготовки космонавтов, созданием космических кораблей, их оборудованием. Н. С. Хрущев в своем ответе американскому корреспонденту упомянул о создании необходимых технических условий для полета человека.

Наши ученые много и плодотворно работали над тем, чтобы создать эти условия, проверить их в полетах, посылая в космос животных, оборудуя искусственные спутники Земли надежно действующей аппаратурой. Шаг за шагом советская наука подходила к свершению прорыва человека во Вселенную. Прокладывалась дорога несслыханному взлету знаний, проникновению в глубокие тайны природы.

...Обо всем этом я думал в те дни, тренируясь в пустынной тишине сурдокамеры.